

На съезде произошло одно на первый взгляд малозаметное, но повлекшее за собой серьезные последствия событие: Шелепина забрали из КГБ и избрали секретарем ЦК, поручив ему кадры: партийные, военные и все прочие. Вообще-то на кадрах, как второй секретарь, «сидел» Козлов, но под ним полагался еще один секретарь-кадровик. Подчиняясь формально второму, он регулярно выходил на Первого и даже, как бы надзирал за вторым. Со времен Сталина назначение на этот пост свидетельствовало об особом доверии со стороны Первого. При нем главными партийными кадровиками становились: Николай Ежов, потом Георгий Маленков, затем Алексей Кузнецов.

Человек тут требовался абсолютно преданный. Отец считал таким Шелепина и одновременно видел в нем руководителя новой формации, преданного не ему лично, как Ежов с Маленковым Сталину, а их общему делу. Вот и передвинул его из председателей Комитета Госбезопасности в ЦК КПСС, на еще более престижный пост.

Вместо Шелепина председателем КГБ с его подачи выдвинули тоже комсомольца, Владимира Семичастного. Отец доверял Семичастному даже больше, чем Шелепину, считал, что это он его вырастил, дал путевку в большую политику. Так оно и происходило на самом деле.

В 1944 году отец забрал двадцатилетнего Володю Семичастного из Донбасса в Киев, а в 1947 году сделал его секретарем Украинского комсомола. Отец уже тогда верил Семичастному и верил в него. Верил настолько, что встал на его защиту, когда, как пишет сам Семичастный, он оказался «в казалось бы, безнадежном деле». Его старший брат Борис в самом начале войны попал в окружение, а затем в немецкий плен. Выжил и после победы, вместе с миллионами других «изменников» загремел на 25 лет в сибирские лагеря, отбывал наказание на рудниках Хабаровского края. Когда Владимира Ефимовича перевели в Киев, госбезопасность проинформировала Украинский ЦК о неподходящем родстве нового ком-

сомольского секретаря. Началось расследование, и перепуганный до смерти Семичастный бросился к Хрущеву. Отец его выслушал и вошел в положение.

Что происходило в начале войны, он прекрасно знал, как знал и об отношении Сталина к «изменникам-военнопленным» и их родным. Тем не менее, отец вступился за Семичастного, закончил разговор успокаивающе: «Иди. Не тревожься и спокойно работай». Через много лет Семичастный прочитал вложенное в его личное дело письмо Хрущева Сталину: «Я прошу за нашего Первого комсомольского секретаря, брата которого перед войной призывали в армию... Он не несет за него ответственности... Я лично ручаюсь за его преданность нашему делу...» Излишне говорить, что отец рисковал.

С тех пор Семичастный неотрывно следовал за Хрущевым. Отец переехал в Москву в декабре 1949 года, а уже в январе 1950-го Семичастный тоже в столице, становится секретарем, а затем Первым секретарем Всесоюзного комсомола.

В марте 1959 года его назначили заведующим Отделом партийных органов в ЦК – это знак очень высокого доверия. Отец очень рассчитывал на Семичастного, готовил его к еще более значительным государственным постам. Для этого, по пониманию отца, требовалось уметь не только перекладывать бумажки в кадровых картотеках, но и поднатореть в делах промышленности и сельского хозяйства. Одним словом, пройти школу реальных дел и желательнее подальше от центра, там, где тебе не особенно мешают и не особенно за тобой присматривают. Тут подвернулась вакансия второго секретаря ЦК Компартии Азербайджана. Формально должность не шла ни в какое сравнение с должностью в ЦК, но, с позиций отца, очень важная для дальнейшего продвижения.

Семичастный поначалу ехать в Баку отказался. Отец его еле уговорил. Ему бы повнимательнее приглядеться, что это Семичастный так держится за Москву? Однако отец на его фанаберию не обратил внимания, списал на молодость. С августа 1959 года Семичастный работал в Азербайджане.

И вот теперь отец решил, что стажировка окончена, Семичастный готов к возвращению в столицу, уже в новом качестве. 13 ноября 1961 года тридцатисемилетнего Владимира Ефимовича Семичастного назначили председателем КГБ при Совете Министров СССР – на один из ключевых постов в нашей стране.

Таким образом отец своими руками смешал гремучую смесь: Шелепин и Семичастный, два не очень далеких, но исключительно амбициозных политика через разветвленную официальную и неофициальную сеть информаторов и оперуполномоченных теперь не только контролировали местных руководителей, но и в определенной степени процеживали поступающую к главе государства информацию. Информацию, на основании которой он принимал решения.

Отец все это знал и понимал, но считал, что со стороны Шелепина с Семичастным ему ожидать подвоха не приходится. И просчитался. Шелепин с Семичастным не оказались преданными ни отцу, ни их «общему» делу, вообще ничему и никому, кроме самих себя, своей карьеры.

День за днем

29 октября 1961 года отец выступил на церемонии открытия памятника Карлу Марксу на Театральной площади в Москве.

В ночь с 27 на 28 октября на Братской гидроэлектростанции пустили первый агрегат в 228 тысяч киловатт. В ночь с 1 на 2 ноября дал ток второй такой же агрегат. Почему все происходит ночью? Так удобнее, люди спят, большинство предприятий работает вполсилы, потребление

электричества, а главное перепады в нем минимальны. Если что случится, то не заработавший почему-то генератор легко заменить одним из выведенных в резерв. На Братской ГЭС все прошло гладко.

30 октября 1961 года на Украине вступила в строй первая очередь мощностью 1,2 миллиона киловатт Приднепровской тепловой угольной электростанции.

3 ноября 1961 года отец в Большом театре на концерте китайских артистов.

Через неделю после выноса тела Сталина из Мавзолея, в канун празднования очередной годовщины Октябрьской революции, в эфир вышел первый КВН, «Клуб веселых и находчивых», еще вчера немыслимая по своей раскованности юмористическая передача. Ее участники, в основном «легкомысленные» студенты Физико-технического института, изощрялись в остроумии, и не только на бытовые темы. Телевизионные власти морщились, но терпели. Наступили новые времена. В 1972 году брежневские чиновники КВН прикроют как идеологически не выдержанный.

После съезда партии отец, вторично в этом году, объезжает регионы, подбивает итоги, подгоняет, будоражит местных руководителей, – весна следующего года не за горами. Одним словом, разгоняет энтропию.

Первая остановка, 11 ноября 1961 года, в Ташкенте, узбеки только заканчивают сбор хлопка, и отец начинает с них. Он снова говорит о необходимости перехода от ручной к машинной уборке. Первый секретарь Узбекского ЦК интеллигентный Шараф Рашидов не спорит, но хлопок до самого конца советской власти и смерти самого Рашидова убирать будут по-прежнему руками. Так сподручнее и аккуратнее, а «свободные» руки всегда найдутся. До Нового года, год из года в год всех студентов и школьников Узбекистана посылали на уборку. Учиться начинали лишь с января, за полгода «усваивая» годовую программу.

Из Ташкента отец отправляется в Голодную степь, где заканчивали работы по ее орошению. Теперь она «Голодная» только по названию, а на деле – один из самых плодородных районов Узбекистана. Отец от всей души поздравляет Рашидова.

23 ноября 1961 года отец уже в Целинограде, выступает перед целинниками, потом едет в Шортанды, в Институт зернового хозяйства, долго разговаривает с его директором и своим давним знакомцем Александром Ивановичем Бараевым, старается понять, какие агрономические приемы наиболее эффективны в Сибирско-Казахстанском крае. На целине развернулась нешуточная борьба между двумя школами земледелия: традиционной, ведущей свою историю из XIX века, согласно которой восстановление почвы после вмешательства человека следует предоставить самой природе: дать ей годик отдохнуть и потом пару лет перестоять под травами, и новомодной американской, отдающей дело поддержания плодородия в руки самого земледельца, в хозяйстве которого имеются машины, удобрения, гербициды и другие чудеса XX века. Я уже писал о споре двух корифеев, академиков Прянишникова и Вильямса. Сейчас перепалка вспыхнула с новой силой. Бараев и его Институт зернового хозяйства придерживались традиционных взглядов, ему противостоял Г. А. Наливайко, директор Алтайского научно-исследовательского института, исповедовавший технократический подход к земледелию.

Наливайко доказывал, что чистые пары, поля, вспаханные и в течение года ничем не засеянные, заросшие сорняками, – это не отдых пашни между двумя урожаями, а безобразие, бесхозяйственность. Засевать пустующие земли-пары многолетними травами тоже нецелесообразно, они не накапливают, а иссушают и так страдающую от недостатка влаги землю. На следующий год хорошего урожая при такой агрономии не получится. Следует внедрять севообороты пшеница-кукуруза-бобы, возможно, сахарная свекла, а с сорняками бороться гербицидами. Именно так поступают американцы. Бараев стоял на своем: без чистых паров целинная земля вскоре потеряет плодородие.

Каждый из споривших стремился привлечь Хрущева на свою сторону, заручиться его поддержкой. Отец старается оставаться нейтральным, но это ему удастся недолго. Он постепенно втягивается в дискуссию, берет сторону Наливайко, правда, осторожно, с оговоркой: «Система, которую рекомендует Алтайский институт, более действенная, более эффективная, дает в 2,5 раза больше зерна, чем система Института зернового хозяйства, руководимого товарищем Бараевым. Я уже, наверное, четыре раза слушал выступления товарища Наливайко, его аргументацию. Отдавая предпочтение системе земледелия Алтайского института, мы вовсе не присягаем ей. Ученые и специалисты должны все хорошо изучить, поспорить».